I 477.854

ДОДАТОКЪ до Ч. 14. „ПРАВДИ“.

ОТВѢТЪ

„БОЯНУ“-СТЕБЕЛЬСКОМУ

на „Письмо до Кулиша“.

(Письмо къ редактору „Правды“).

ЛЬВОВЪ.
Типографія Ставропигійскаго Института.
1861.

I 477.854

М. Г.

Въ 13-мъ № „Бояна“ напечатано „Письмо“ къ г. Кулишу, которое, съ умысломъ или безъ умысла, не было ему доставлено, не смотря на свой рѣзкій, вызывающій тонъ. Г. Кулишъ такъ занятъ, что не имѣетъ досуга слѣдить за множествомъ изданій, появившихся въ послѣднее время въ Галиціи, и если бы я не прочелъ ему этого письма, онъ и не зналъ бы о его существованіи. Между-тѣмъ, письмо г. Стебел(ь?)скаго требуетъ отвѣта ради истины: оно исполнено такого юношескаго жару и, въ тоже время, освѣщено такимъ невѣрнымъ свѣтомъ, что легко можетъ ввести въ заблужденіе многихъ читателей. Это было бы всего прискорбнѣе въ отношеніи той „численнѣйшей академической галицкой молодежи“, отъ имени которой, по словамъ редакціи, пишетъ г. Стебельскій, — и потому я просилъ у г. Кулиша позволенія отвѣчать за него, такъ какъ онъ рѣшительно отказался входить въ какія-либо пренія съ авторомъ письма.

Позвольте просить Васъ, М. Г., разослать настоящій отвѣтъ при ближайшемъ номерѣ „Правды“, напечатавъ его отдѣльнымъ приложеніемъ. — Этотъ отвѣтъ написанъ въ намѣреніи просить редакцію „Бояна“ помѣстить его въ своей газетѣ, гдѣ всего приличнѣе было бы ему быть напечатаннымъ, такъ-какъ оттуда сдѣланъ вызовъ; но въ-виду того, что „Боянъ“ не задумался напечатать у себя статью, преисполненную клеветъ на

самаго-вѣрнаго дѣятеля и защитника Руси, съ которымъ можно не соглашаться или соглашаться, но котораго честному Русину не цѣнить нельзя, — я не вѣрю ни въ безпристрастіе, ни въ искренность названной редакціи, и считаю за лучшее — не вступать съ ней ни въ какія сношенія.

Не могу, при этомъ случаѣ, не выразить глубокаго сожалѣнія о томъ, что молодая галицко-русская словесность и, въ особенности, журналистика не избѣжала весьма-распространенной, въ польской журналистикѣ, тенденціозности: это — болѣзнь, которая пріучаетъ мало-по-малу къ неправдѣ, къ извращенію и лживому толкованію фактовъ и, наконецъ, губитъ силу даже живаго слова, дѣлая подозрительнымъ самое искреннее убѣжденіе, самую вѣрную мысль. „Съ словомъ надо обращаться честно.“ Эту спасительную истину, завѣщанную нашимъ Гоголемъ, слѣдовало бы постоянно помнить каждой литературной партіи.

Къ несчастью, и у васъ уже начинаютъ оправдывать патріотизмомъ самыя несправедливыя дѣйствія: это путь весьма опасный. „Съ неправдой можно свѣтъ пройти, да нельзя назадъ вернуться,“ говоритъ украинская пословица („Брехнéю свiтъ прiйдешъ, та назадъ не вéрнесся“). Безъ правды и нравственнаго достоинства въ словѣ и дѣлѣ нѣтъ будущности: если народная жизнь не проникнута этимъ началомъ — самый искренній патріотизмъ не принесетъ плода, а если и принесетъ, то — горькій.

Не откажите же, М. Г., въ моей просьбѣ, и примите увѣреніе въ душевномъ моемъ почтеніи.

Русинъ.

Volodymyr

1847–1891

Пра́вда всю́ди ні́вечиця,
а все́ коли́сь ви́значиця!
Украинская пословица.

Г. Стебельскій, въ письмѣ къ г. Кулишу, изложивъ, въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ, содержаніе двухъ частныхъ его писемъ къ Я. Ѳ. Головацкому, которыя были напечатаны въ „Словѣ“ и „Боянѣ“ безъ дозволенія писавшаго ихъ не для печати, восклицаетъ:

„Стало-быть — дѣло кончено!“

„Стало-быть — вы удивили русскую публику въ Галиціи письмомъ къ г. Партицкому“ (автору „Нѣмецко-Рускаго Словаря“), которое г. Стебельскій приводитъ затѣмъ вполнѣ.

Свое торжественное „стало-быть!“ вы, г. Стебельскій, провозгласили преждевременно: вы скрыли существенное — исторію, ходъ дѣла, — и, стало-быть, извративъ фактъ весьма простой и ясный, ввели въ заблужденіе тѣхъ, которые вамъ повѣрили. Возстановимъ же сперва факты, а потомъ обратимся къ вашимъ полемическимъ восклицаніямъ, угрозамъ и брани.

Дѣло вотъ-въ-чемъ: въ Варшавѣ было получено извѣстіе, будто бы польская партія, оскорбивъ всю Русь своими неправыми дѣйствіями на Львовскомъ сеймѣ и потерявъ всякое довѣріе у Русскихъ, намѣрена достигать своихъ зловредныхъ цѣлей посредствомъ изданія во Львовѣ украинско-русской газеты и, дабы прикрыть ея происхожденіе, будетъ употреблять въ ней фонетическое правописаніе, называемое въ Галиціи „кулишивкою“. Такое коварное предпріятіе требовало разоблаченія и пораженія при самомъ его зародышѣ; ближе

кого-либо-другаго, это дѣло интересовало г. Кулиша, именемъ котораго названо фонетическое правописаніе, и который постоянно принималъ къ сердцу все, что касалось Галицкой Руси: вотъ-почему г. Кулишъ, находясь въ постоянной перепискѣ съ г. Головацкимъ (съ которымъ былъ лично знакомъ издавна), сообщилъ ему о своемъ желаніи — написать по этому предмету статью, въ которой готовъ былъ первый ударить противъ фонетическаго знамени, если бы оно появилось въ рукахъ у враговъ Руси, какъ средство для обмана ея приверженцевъ. Приэтомъ, г. Кулишъ счелъ нужнымъ просить г. Головацкаго предварительно увѣдомить: напечатаетъ ли подобную статью Львовское „Слово“, такъ-какъ, судя по нѣкоторымъ статьямъ этой газеты въ 1863 году, можно было подумать, что она труситъ поляковъ, старается ладить съ ихъ представителями и, опасаясь раздражить ихъ, не рѣшится напечатать противъ нихъ рѣзкаго заявленія.

Прошло послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ. Г. Головацкій не отвѣчалъ на вопросъ г. Кулиша*); никакой газеты, издаваемой поляками на народномъ языкѣ и съ какимъ-бы-то-нибыло правописаніемъ, не появлялось ни на Галицкомъ, ни на иномъ горизонтѣ; г. Головацкій самъ, наконецъ, проѣздомъ на Славянскую этнографическую выставку, прибылъ въ Варшаву, видѣлся съ г. Кулишомъ, и — ни слова объ этомъ, столь-интересномъ, предметѣ. Возвращаясь изъ Москвы черезъ Варшаву, онъ не только не удостоилъ г. Кулиша своимъ посѣщеніемъ, но даже не далъ ему знать о своемъ здѣсь пребываніи, въ теченіи нѣсколькихъ дней, — словно избѣгалъ какихъ-либо вопросовъ, которые бы разъяснили общеинтересное дѣло. — Такимъ-образомъ, казалось, между ними нѣтъ уже ничего общаго: все, въ чемъ они могли быть нужны и полезны другъ-другу, кончено.... Но — вдругъ! — г. Кулишу сообщаютъ, что какіе-то обрывки его частныхъ писемъ печатаются въ „Словѣ“ — безъ всякаго съ его стороны позволенія, безъ всякаго даже предваренія о томъ, что

*) Редакція „*Бояна*“ увѣряетъ, будто г. Головацкій отвѣчалъ, на что имѣются доказательства, — какія, у кого и гдѣ, редакція не объясняетъ. Желательно было бы знать ихъ.

его письма будутъ печататься, даже безъ объясненія — по какому поводу они были писаны! Мало этого: въ „Бояне“ появились уже не отрывки, а цѣлыя письма г. Кулиша, не взирая на то, что въ нихъ упоминаются постороннія лица, говорится о посторонних, особенныхъ, обстоятельствахъ, совершенно интимно.

Вотъ-что слѣдовало бы вамъ, г. Стебельскій, выяснить прежде, чѣмъ начали вы свою ревностную „не по разуму“ филиппику и, затѣмъ уже, толковать, „безразсудно“ ли оскорблены гг. Головацкій и Дѣдицкій! Если бы вы ясно изложили ходъ этого возмутительнаго дѣла, то, безъ сомнѣнія, весьма многіе воскликнули бы: „стало быть“ гг. Головацкій и Дѣдицкій поступили не-хорошо! „стало-быть“, не только г. Кулишъ, но и всякій другой вчужѣ имѣетъ право негодовать на нихъ за безцеремонность обращенія съ чужими письмами.

Вездѣ, г. Стебельскій, гдѣ есть капля образованности, гдѣ есть малѣйшее уваженіе къ правамъ человѣческой личности, вездѣ былъ бы осужденъ подобный поступокъ, хотя бы его позволили себѣ „любимичи“ (какъ вы выражаетесь) не только Галича, но всего человѣчества. — Странно было бы не протестовать противъ такого дикаго поступка г. Кулишу, котораго это непосредственно касалось, — что онъ и сдѣлалъ; кромѣ протеста и объясненія повода къ нему, ничего больше не заключалось въ письмѣ къ г. Партицкому. Но, судя по нѣкоторымъ вашимъ возгласамъ, судя по тому, что вы приводите безъ смысла нѣкоторыя отрывочныя слова изъ этого письма, можно заключать, что вы вовсе не понимаете народнаго нашего языка, а потому я переведу для васъ нѣкоторыя мѣста изъ этого письма на языкъ, котораго вы хотя тоже не знаете, но на которомъ силитесь ораторствовать.

„Если поляки станутъ печатать моимъ (фонетическимъ) правописаніемъ, въ доказательство нашего разлада съ Великою Русью, если наше правописаніе будетъ выставляться не какъ удобнѣйшій способъ для обученія народа, а какъ признакъ русской розни, то я начну печатать свои сочиненія, на украинскомъ языкѣ, древнимъ этимологическимъ правописаніемъ. Это должно имѣть такой смыслъ, что мы, украинцы, живя у себя дома, говоримъ по-своему и поёмъ не однаковыя съ великорусскими пѣсни; но если до чего дойдетъ, то дѣлить

себя никому не позволимъ: раздѣляла насъ печальная судьба долго, но мы не щадили крови для достиженія русскаго единенія — и теперь уже тщетны польскія усилія разлучить насъ.“

Вотъ-что, между прочимъ (кромѣ протеста противъ печатанія чужихъ писемъ безъ позволенія), было высказано г. Кулишомъ въ письмѣ къ г. Партицкому. — Какой же смыслъ логическій, какое моральное значеніе должно имѣть, въ глазахъ честныхъ людей, ваше, М. Г., замѣчаніе, что письмо это „можетъ служить доводомъ вздора и непрочности всякихъ покушеній народнаго сепаратизма?“ Слово сепаратизмъ — это пугало для дѣтей, — придуманное для усиленія красокъ на мрачной картинѣ іезуитско-испанской школы, — давно уже вышло у насъ изъ моды; вы живете заднимъ числомъ, и пора бы ужъ и вамъ перешагнуть это пугало, да заняться полезнымъ родинѣ дѣломъ, а не логомахіей.

Въ оправданіе г. Головацкаго, вы, г. Стебельскій, говорите, что онъ находился тогда въ Варшавѣ, „когда добросовѣстная галицко-русская печать обнародовала, письма г. Кулиша“, и что „заявленія г. Кулиша передала печати патріотическая молодёжь, которая такъ его любила.“

Это обстоятельство не могло быть до сихъ поръ извѣстно г. Кулишу; онъ вѣритъ этому, — такъ-какъ вы, г. Стебельскій, это утверждаете; но согласитесь, что не всѣмъ можно быть столь довѣрчивымъ, какъ г. Кулишъ, и что я, напримѣръ, — человѣкъ сторонній дѣлу, — вправѣ выразить нѣкоторыя сомнѣнія: я не могу понять — какимъ-образомъ могла случиться такая оплошность со стороны столь-опытнаго и почтенныхъ лѣтъ человѣка, какъ г. Головацкій? какимъ-образомъ могла рѣшиться „добросовѣстная“, по вашему отзыву, „галицко-русская печать“ (собственно — „Слово“ и „Боянъ“) обнародовать что-либо изъ писемъ, принадлежащихъ г. Головацкому, безъ его согласія? какимъ-образомъ, наконецъ, осмѣлилась и „патріотическая молодежь“ такъ предательски распорядиться собственностью столь-любимаго и почитаемаго наставника?... Согласитесь, г. Стебельскій, что, при незнаніи домашнихъ обычаевъ вашихъ редакцій, позволительно дивиться и непредусмотрительности г. Головацкаго, и торопливости ре-

дакцій, и дерзкой шаловливости молодёжи.... Впрочемъ, что касается послѣдней, то вы называете ее „патріотической“: а патріотизмъ.... какихъ увлеченій, какихъ подвиговъ онъ не объясняетъ и не извиняетъ?!!

„Развѣ вы сами, — вы сами“ (повторяете вы, г. Стебельскій, обращаясь къ г. Кулишу) „не просили внушать каждому поборнику русскаго элемента въ Галиціи основныя начала политики, указаны (sic) вами? Можетъ ли что-нибудь распространять каковыя (sic) правила скорѣе и шире (sic), какъ печать?“ Такъ горячо защищаете вы поступокъ „патріотической“ молодёжи! „Конечно, эти правила у васъ немножко измѣнились“, — колко и злобно прибавляете вы, воображая себя глубокимъ сердцевѣдцемъ.

Этотъ пріемъ вашъ, г. адвокатъ, расчитанъ на неожиданность; но — къ сожалѣнію — въ немъ нѣтъ логики: вы смѣшиваете разныя понятія: внушеніе и распространеніе началъ или правилъ, — и средства внушенія и распространенія.

Безъ сомнѣнія, — г. Кулишъ, сочувствующій утвержденію и развитію русской народности въ Галиціи, „просилъ внушать и распространять основныя начала и правила политики (какъ вы выразились); но неужели это значило — печатать чужія письма безъ позволенія того, кто ихъ писалъ не для печати? неужели это значило — „внушать и распространять“ всякими — и непозволительными даже — способами? неужели г. Кулишъ, обращаясь къ г. Головацкому, долженъ-былъ ссылаться еще на „кодексъ карный“ (какъ вы говорите), или даже на кодексъ первыхъ правилъ приличія и общежитія? неужели „внушать и распространять“ — значитъ позволить себѣ всякія средства: печатаніе и распечатываніе чужихъ писемъ, ложь, клевету, подлогъ, доносъ, ядъ, кинжалъ, и т. д., и т. д.... Нѣтъ, г. Стебельскій: вы плохой адвокатъ! Вы, вѣрно, не посовѣтовались съ вашими кліентами; ни г. Головацкій, ни „добросовѣстная галицко-русская печать“, ниже „патріотическая молодежь“ не позволили бы вамъ такъ наивно высказать давно-осужденный аргументъ: цѣль освящаетъ средства... Невольно приходятъ на умъ слова, сказанныя въ протестѣ г. Кулиша противъ печатанія его писемъ: „Здивовавсь я, вбачивши такий обертасъ писарський.

Бачъ, думаю, якъ вони тамъ правди руськоі доходять! У насъ такимъ робомъ ніколи не ходили... Овва, та й годі!“

До-сихъ-поръ еще можно было, г. Стебельскій, держаться хода вашей рѣчи сколько-нибудь послѣдовательно; но ужъ за тѣмъ, что вы изволили нагородить дальше (стр. 104), не возможно усльдить самому быстроумному человѣку. Что вы хотѣли сказать своими вопрошеніями и возгласами, въ чемъ состоитъ ваше убѣжденіе, ваше мнѣніе, по крайней мѣрѣ, о какомъ-либо изъ затронутыхъ вами предметовъ, — этого я никакъ не могъ понять при всѣхъ моихъ усиліяхъ. Вы, безъ сомнѣнія, увѣрены, что во всемъ, вами написанномъ, есть и ясный смыслъ, и послѣдовательность. Позвольте же раскрыть вамъ глаза, какъ человѣку, повидимому только-что начинающему свое поприще: вы же сами, съ неподражаемою скромностью, называете себя „молодцомъ“ (т. е. „юношей“, хотѣли вы сказать; думая по-польски, слово młodzieniec вы перевели „молодецъ“!!) „безъ вѣнца авторитета“!

Я задаю себѣ трудную задачу: подвести высказанныя вами мысли подъ категоріи, и, затѣмъ, разобрать ихъ.

I. Кулишъ — оскорбитель галицкой святыни, галицкихъ народныхъ чувствъ, противникъ Славянства и виновникъ „галиційскихъ безцеремонныхъ буйствъ“(!?); но если онъ пріѣдетъ въ Галицію, то его примутъ съ хлѣбомъ-солью.

Обвинивъ г. Кулиша въ томъ, будто онъ „иронически“ назвалъ „плекателемъ“ вашего любимца, который, по вашимъ словамъ, „давно уже сложенъ въ сердца милліоновъ“, вы остроумно восклицаете, что „для плевателей (sic!) на вашихъ плекателей въ этихъ сердцахъ мѣста нѣтъ.“

Далѣе, вы утверждаете, что дорожите апостолами Русскаго единства, дорожите „отъ сердца (sic) вашими учеными и публицистами: Зубрицкими, Головацкими. Петрушевичами, Дѣдицкими, Лисикевичами, Наумовичами и проч., о которыхъ безъ уваженія говорятъ только Поляки и“ (будто бы) „Кулишъ.“

„Во имя этого“ (какого — этого??) „сознанія славянскаго генія“ (о какомъ это геніѣ вы, ни съ того, ни съ сего, толкуете?) „мы съ восторгомъ ступаемъ“ (sic) „подъ Славянское знамя Кирилла и Меѳодія, подъ которымъ, въ Славянской матушкѣ Москвѣ, братались Ригеры съ Шафариками,

а Шафарики съ Погодинымъ, а молчали только поляки и Кулишъ."

Прекрасно изволили вы это замѣтить, — краснорѣчиво и вѣрно! Посмотримъ, что еще сочините вы дальше, г. защитникъ, превратившійся въ обвинителя, — посмотримъ...

„Кулишъ", говорите вы, „убѣдится непремѣнно, что въ имени его" (sic) „дѣлаются безцеремонно (?) галиційскія буйства (?!?)"

Вотъ-какого вы, М. Г., мнѣнія о г. Кулишѣ: для него, по вашимъ словамъ, нѣтъ мѣста не только въ вашихъ патріотическихъ сердцахъ, но на всей землѣ Галицкой; — есть ли еще мѣсто въ двухъ имперіяхъ, которыя, — чего добраго, — если вамъ повѣрятъ — могутъ поссориться изъ-за „безцеремонныхъ галиційскихъ буйствъ."

Но успокойтесь, всѣ мирные граждане! это грезилось во снѣ г. Стебельскому. Онъ тотчасъ же проснется, — проснется на той же самой 104-ой страницѣ, на которой описалъ такіе ужасы, — и самъ успокоитъ васъ.

„Посѣтите насъ", — весьма любезно и безъ малѣйшаго страха, приглашаетъ онъ того же самаго Кулиша, — „посѣтите насъ въ Галиціи нашей: мы, илоты Поляковъ и Нѣмцевъ, будемъ васъ принимать хлѣбомъ-солью Славянъ (sic!)"

И это говорится не только на той же самой страницѣ, — это сказано тотчасъ за той строкой, гдѣ Кулишъ обвиняется въ „молчаніи подъ знаменемъ Кирилла и Меѳодія!" и послѣ того, какъ онъ изгнанъ изъ милліона сердецъ!!

Что это съ вами, г. Стебельскій? Опомнитесь! Опомнитесь ради себя, ради органа „общерусской идеи", какимъ себя величаетъ „Боянъ", гдѣ вы печатаете, — ради „численнѣйшей академической молодёжи", отъ имени которой пишете! — Вы сами себѣ не вѣрите. Зачѣмъ же обманываете другихъ?

Я уже не говорю о томъ, что въ словѣ „плекатель", для знающихъ галицкій народный языкъ, нѣтъ ничего оскорбительнаго; что изъ письма г. Кулиша вовсе не видно, что это слово относится къ г. Головацкому; я не возражаю на вашу клевету, будто бы г. Кулишъ безъ уваженія говоритъ о Зубрицкихъ, Головацкихъ, Петрушевичахъ, Дѣдицкихъ, Лисикевичахъ, Наумовичахъ; не хочу много распространяться ни на счетъ того, что г. Кулишъ — не только теперь, но

въ теченіи слишкомъ 20-ти лѣтъ стоялъ подъ знаменемъ — именно — Кирилла и Меѳодія и провозглашалъ Славянскую идею уже въ то время, когда г. Стебельскій едва ли умѣлъ произнести даже имя этихъ великихъ апостоловъ; — ни на счетъ того, что нечего было бы г. Стебельскому (если-бъ онъ говорилъ съ пониманіемъ дѣла) такъ усердно возглашать будто о необычайной новости, что братались Ригеръ съ Шафарикомъ и Шафарикъ съ Погодинымъ, ибо и безъ того они были гораздо раньше братьями и по Славянству, и по наукѣ, а Ригеръ и Шафарикъ даже по національному своему происхожденію *); — я не стану, наконецъ, объяснять, что

*) Вмѣсто того, чтобъ возносить жалобы на небывалое молчаніе г. Кулиша подъ знаменемъ Кирилла и Меѳодія и дивиться братанью давно-побратавшихся между собою Славянскихъ ученыхъ, — вамъ, г. Стебельскій, приличнѣе было бы выразить удивленіе — какимъ-образомъ случилось, что никто изъ присутствовавшихъ на Славянской этнографической выставкѣ не вспомнилъ о заслугахъ украинскихъ писателей на пользу Славянской идеи; — что даже имя Шевченка не было произнесено ни въ ученыхъ и литературныхъ собраніяхъ, ни на дружественныхъ пиршествахъ. А между тѣмъ, по доходившимъ слухамъ, величайшій изъ Славянскихъ мужей, П. І. Шафарикъ, плакалъ надъ *„Посланіемъ“*, которое написалъ къ нему Шевченко не позже 1845 или 1846 года, при поэмѣ *„Иванъ Гусъ, або Єретикъ“*. (Быть-можетъ, эта поэма сохранилась въ бумагахъ Шафарика вполнѣ; — въ Россіи нашлись изъ нея только отрывки. Подлинникъ *„Посланія“*, писанный рукою самого поэта, хранится въ Галицкомъ *Народномъ Домѣ*, во Львовѣ.)

И можно повѣрить, что Шафарикъ почтилъ слезами названное *„Посланіе“*, ибо едва ли находится другое стихотворное произведеніе (кромѣ развѣ нѣкоторыхъ куплетовъ Slávy Dcera, Колляра), гдѣ бы такъ поэтически, такъ образно, съ такимъ глубокимъ почувствованіемъ и сознаніемъ великой будущности, была выражена идея Славянскаго возрожденія и единенія.

Благодаря непонятному для Украинцевъ и Галичанъ страху сепаратизма, не многіе — даже изъ русскихъ Славянъ — знаютъ, а нѣкоторые знаютъ и — не вспоминаютъ объ этомъ *„Посланіи“*; — по этому не будетъ лишне привести здѣсь вторую половину его.

„А на да́внімъ пожари́щі [1])
Искра бра́цтва тліла —
Дотлева́ла — дожида́ла
Рукъ тве́рдихъ та смілихъ....

[1]) Т. є. остаткахъ древней Славянщины, сгубленной ненавистью враговъ и усобицами.

г. Кулишъ, находясь въ Варшавѣ, не могъ быть въ тоже время и въ Москвѣ, а въ Варшавѣ былъ членомъ комитета для пріема Славянскихъ гостей, участвовалъ въ данномъ имъ обѣдѣ и постоянно сопровождалъ гг. Эрбена, Гаммерника и Патеру; — я хочу только остановить вниманіе ваше, г. Стебельскій, на томъ: есть ли какая-нибудь послѣдовательность во всемъ, что вами насказано, и съ точностію мною приведено выше? есть ли у васъ какое-нибудь право — въ вашей чести, въ вашей совѣсти, въ данномъ, наконецъ, вамъ „численнѣйшею академическою молодёжью“ полномочіи — говорить всѣ тѣ неправды, которыя вы такъ безцеремонно наговорили? — Ой-ой-ой, добродію! якъ же ви погано правди руськоі доходите! — У насъ такимъ-робомъ ніколи не хо-

---

И дождалась... Прозрівъ-вси [1])
Въ пóпелі, глибóко,
Огóнь дóбрий — смілимъ сéрцемъ,
Смілимъ óрлімъ óкомъ!
И засвітúвъ, любомýдре,
Світочъ прàвди, вòлі...
И Славъянъ семъю велúку,
Во тьмі и невòлі,
Прелічúвъ до одногò, —
Перелічúвъ трýпи —
А не Славъянъ, — и стàвъ-всй
На велúкихъ кýпахъ —
На роспутті всесвітнёму —
Иѳвекиілемъ,
И, о дúво! трýпи встàли
И óчи роскрúли!
И братъ зъ брàтомъ обнялúся
И проговорúли
Слóво тúхоі любóви
На вікы и вікы! —
И потеклú въ одно́ мóре
Славъянськиі ріки!

Слáва тобі, любомýдре,
Чéху-Славъянúне,
Що не дàвъ ти потонýти
Въ німèцькій пучúні

---

[1]) Относится къ Шафарику.

дили... Овва, та й годі.... — Ні, — ще не годі! хочъ — правду руську кажучи — ажъ огидло.

II. Въ Галиціи нѣтъ политическихъ затѣй; Галичане сознали себя сынами 60-миліоннаго русскаго народа, и трудятся надъ духовнымъ объединеніемъ „Славянской націи, въ которой предѣлахъ солнцамъ не льзя западать"; но они „никакъ не сдались братьямъ отъ сѣвера (?)" и вносятъ въ организмъ (неизвѣстнаго) народа начала (неизвѣстнаго) демократическаго юга, — но, впрочемъ, они — настоящіе Москвичи. (Дальше, у г. Стебельскаго, говорится что-то хотя и по-русски, но — на непонятномъ языкѣ.)

„Вы, можетъ-быть, умышляете (sic) сепаратизмъ политическій?" спрашиваетъ г. Стебельскій, — и самъ отвѣчаетъ:

Нашій правді! Твоє море
Славъянськеє, нове,
Затого вже буде повне,
И попливе човенъ
Зъ широкими вітрилами
И добримъ кермиломъ, —
Попливе на вольнімъ морі,
На широкихъ хвиляхъ!
Слава-жъ тобі, Шафарику,
Во віки и віки,
Що звівъ-еси въ одно море
Славъянськиі ріки!

Привітай же въ своій славі
И мою убогу
Лепту-думу немудрую —
Про Чеха святого,
Великого мученика,
Про славного Гуса!
Приймі, отче! а я нишкомъ
Богу помолюся
Щобъ усі Славъяне стали
Добрими братами,
И синами сонця правди
И Єретиками
Оттакими, якъ Констанський
Єретикъ великий! ..
Миръ мірові подарують
И славу во-віки!

Т. Шевченко.

„у насъ нѣтъ теперь политическихъ затѣй“. Далѣе: „наша земля, отъ (sic) пяти столѣтій, кровавая баррикада, на которой племена сражалися и сгибали (sic) за народность“. Вслѣдъ за этимъ: „стало-быть (опять — стало-быть! какую связь оно имѣетъ съ предъидущимъ??), „мы сознали“ (судя по вашему языку, — этому плохо вѣрится), „что мы сыны 60-милліоннаго народа русскаго, народа святаго и единаго, какъ Богъ!“ (курсивъ и восклицаніе въ подлинникѣ). „Стало-быть, мы русскіе граждане Австріи, хотимо трудиться надъ духовнымъ об(ъ)единеніемъ Славянской націи, въ которой предѣлахъ солнцамъ (sic) не льзя (sic) западать!“ (sic, sic) (курсивъ и восклицаніе въ подлинникѣ). Далѣе, на той же 104-ой страницѣ: „Мы никакъ (sic) не сдались (sic) братьямъ отъ (sic) сѣвера (sic!), — мы въ организмъ народа“ (какого?) „вносимъ начала демократическаго юга“ (что это за демократическій югъ?), „и съ началами сими поступимъ въ исторію“.

Хотя эта „исторія“ заканчивается снова восклицательнымъ знакомъ, но какъ здѣсь нѣтъ уже магическаго „стало-быть“, то, вѣроятно, поэтому, я ровно ничего не понимаю.

Но послушаемъ — что г. Стебельскій повѣствуетъ дальше. Выписываю слова его съ буквальною точностью:

„Но когда духъ Маккіявеля (sic) *) разрываетъ сердце народа, тогда мы — настоящіе Москвичи (sic)“.

Сознаемся откровенно, — мы сперва было не поняли, — какимъ-образомъ духъ Макіавелли, разрывая сердце галицкаго народа, порождаетъ Москвичей, да еще „настоящихъ“; но когда, тотчасъ вслѣдъ за вышеприведенной фразой, г. Стебельскій объяснилъ:

— „То Галичъ.

— „То результатъ органическаго развитія нашего.

— „Для-того (sic) вовсе не бросаю вамъ въ глаза галиційскихъ Донъ-Кихотовъ (??),“ —

не правда ли — какъ темная, по своей недовѣдомой глубинѣ, мысль становится вдругъ ясною??...

---

*) Слова, слова!... Читали-ль вы, г. Стебельскій, Макіавелля, и имѣете ли вы понятіе о сужденіяхъ этого писателя? Или вы вспомнили его такъ-себѣ, для уснащенія фразы? — Дурная привычка!

О великій — публицистъ! какая у васъ логика! какая сила слова! — Что за драгоцѣнное открытіе какой-то „славянской націи, въ которой предѣлахъ солнцамъ не льзя западать!“

Но — то ли еще мы отъ васъ услышимъ, когда вы заговорите о кулишивкѣ!

III. Величайшее значеніе! и совершенное ничтожество! кулишивки въ Галиціи. „Эта кулишивка“, говорите вы, „собой (sic) очень невинное созданіе, какъ невинны, напр., таблицы, красками расписанныя съ цѣлью изобразить дитяти буквы, — эта кулишивка у насъ дѣйствительно „знамено руськоі розні.“ „Ежели-бъ ее 1859 г. (?) разумѣлъ былъ (sic) ц. к. какографъ Черкавскій, она непремѣнно состояла бы (sic) въ школахъ, какъ 1867 г. (?) въ протоколахъ (sic) кор. польскаго сейма.“ „Польскія деньги дѣйствительно кокетничаютъ (sic) съ кулишивкой; фактически нашлися „уві Львові“ господа, которые за „grosze“ (?) пишутъ клеветы и доносы — кулишивкой.“ „Польскіе органа „Газета Народова“, „Дзѣнникъ“, „Русь“ и проч. ужасно любезничаютъ съ этой кулишивкой.“ „Мальчишки, незнающіе азбуки исторіи и филологіи, очень юмористическія статьи пишутъ — кулишивкой.“ „Эти господа и мальчишки эти ужасную борьбу съ „Міськвою“ (?) пишутъ кулишивкой.“ „Это каррикатурное исчадіе отца Духинскаго и матери ограниченности найдутъ потомки наши въ патологіи русскаго народа.“

Судя по этой филиппикѣ противъ „очень невиннаго созданія“, какъ называетъ г. Стебельскій кулишивку, можно было бы подумать, что фонетическое правописаніе, на Галицкой землѣ, выросло въ политическое орудіе; что, пожалуй, изъза него начнутся „безцеремонныя галиційскія буйства“, и что тогда, по точнымъ словамъ г. Стебельскаго, г. Кулишу пришлось бы дѣйствительно воскликнуть съ огорченіемъ: „Галиційскіе дураки (sic)! они меня не поняли!“ Такое политическое значеніе какого-бы-то-ни-было въ мирѣ правописанія было бы явленіемъ невиданнымъ и неслыханнымъ: не только филологи и этнографы, но и публицисты и дипломаты должны были бы, съ опасностью жизни, поспѣшить въ Галицію для изученіи (подъ руководствомъ г. Стебель-

скаго) новой силы, новаго двигателя въ человѣчествѣ... Такъ *можно* было бы заключать изъ повѣствованія г. Стебельскаго на основаніи общечеловѣческой логики; но у него — своя, особая логика, — и потому успокойтесь, филологи, этнографы, публицисты и дипломаты; жизнь ваша не подвергнется опасности: тотчасъ, вслѣдъ за вышеприведенными фактами злокачественнаго политическаго значенія, какое будто бы пріобрѣло на Галицкой почвѣ фонетическое правописаніе, нашъ Демосѳенъ неожиданно сообщаетъ достовѣрный фактъ, разомъ парализирующій всѣ остальные:

„Отъ (sic) этой кулишивки во всѣхъ слояхъ владѣетъ (sic) отвращеніе почти (sic) пріувеличенное; даже (даже!) народъ ея не хочетъ знать, любуяся на правописанію грамотъ вѣры своей!“ (Слова эти выписаны съ буквальною точностью).

Извините, г. Стебельскій, если я выражу искреннее сожалѣніе о „численнѣйшей академической молодежи“, которая уполномочила быть истолкователемъ своихъ чувствъ такого неуча, какъ вы; нельзя также не вздохнуть изъ глубины души о томъ, что „общерусская идея“, органомъ которой служитъ „Боянъ“, имѣетъ такого бѣднаго свѣдѣніями проповѣдника.

Изъ вашего мнѣнія о кулишивкѣ, которую вы, назвавъ невиннымъ созданіемъ, сравниваете съ расписанными таблицами для обученія дѣтей, — къ которой, по вашимъ собственнымъ словамъ, питаютъ „почти“ преувеличенное отвращеніе какіе-то „слои“, — которою могъ бы воспользоваться какой-то ц. к. какографъ, — изъ всего этого положительно видно, что вы не имѣете никакого понятія о томъ: что такое фонетическое правописаніе, какое оно имѣетъ значеніе не только практическое, но и ученое, — какая, наконецъ, у насъ его исторія.

Фонетическое, т. е. звуковое (отъ греческаго слова φωνὴ), правописаніе учитъ вѣрно изображать, посредствомъ буквъ, звуки какого-либо языка, согласно природѣ этихъ звуковъ и ихъ физіологическому происхожденію.

Всѣ правописанія первоначально были (разумѣется — не научно) фонетическими, т. е. изображали слова буквами соотвѣтственными извѣстнымъ звукамъ; такъ было и у Сла-

вянъ: поэтому, напримѣръ, безгласное, въ наше время, ъ соотвѣтствовало, въ прежнее время, извѣстному звуку и писалось тогда для выраженія этого звука; с. св. Кириллъ и Меѳодій писали, напримѣръ, въ прилагательныхъ именахъ окончаніе родительнаго падежа единственнаго числа на аго потому, что такъ звучало это окончаніе въ старо-болгарскомъ языкѣ. Но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, т. е. видоизмѣняется, подъ вліяніемъ мѣстоположенія и климата обитаемой имъ страны, подъ вліяніемъ своего образа жизни, подъ вліяніемъ постороннихъ народовъ, съ которыми входитъ въ соприкосновеніе, мало-по-малу измѣняется и языкъ, измѣняются и звуки. Когда эти звуки не записаны, то и измѣненія въ словопроизношеніи проходятъ безслѣдно; но когда народъ умѣетъ писать, то мало-по-малу оказывается разница между тѣмъ, какъ извѣстное слово записано, т. е. выражено извѣстными буквами (писанными звуками), и какъ оно произносится въ живомъ говорѣ. Но — привычка, по-пословицѣ, другая натура; а привычки ученыхъ и учителей, старовѣровъ и неучей, подражающихъ ученымъ и старовѣрамъ, нерѣдко бываютъ сильнѣе самой натуры и даже, г. Стебельскій, здраваго смысла. Usus — tyrannus: въ одномъ поколѣніи вошло въ обычай изображать слова извѣстными буквами, хотя бы и не соотвѣтственными, и вотъ — старшіе будутъ такъ писать не только сами, но будутъ учить и младшее поколѣніе писать такъ, какъ писали они, дѣды ихъ и прадѣды, и какъ внуки и правнуки не должны бы писать (потому что произносятъ уже иначе). Нерѣдко также ученые, независимо отъ привычки и преданія, устанавливали сами правописаніе нѣкоторыхъ словъ, добираясь до отдаленнѣйшаго ихъ корня (этимологическое правописаніе), не взирая на то, что звуки этихъ словъ давно видоизмѣнились и, съ древнѣйшихъ временъ, писались согласно духу живаго говора. Порча въ фонетическомъ правописаніи зависѣла также и оттого, что брали слова изъ другаго языка и, вмѣстѣ съ словами, принимали (вполнѣ или отчасти) и начертаніе ихъ въ источникѣ, изъ котораго черпали, не смотря на то, что, по свойству языка, въ который слово перенесено, оно звукоизмѣнилось. Это-то испорченное, первоначально-фонетическое (звуковое) правописаніе называется этимологическимъ (кор-

несловнымъ; отъ греческаго слова ἔτυμον) или историческимъ (т. е. слѣдующимъ преданію). Не имѣя, весьма часто, никакой связи съ настоящею живою дѣйствительностью роднаго языка, оно создаетъ значительную трудность для дѣтей и для простаго малоразвитаго человѣка — выучиться и читать и писать — (въ особенности писать) — согласно давно-прошедшему времени и давно-существовавшему звукопроизношенію, а не тому, какое существуетъ въ настоящее время. — Спрашивается, какая же практическая польза такого запаздывающаго правописанія?? Для учащихся — лишняя тягота и затрудненіе; а для ученыхъ? — ученые узнаютъ происхожденіе и исторію словъ не такимъ путемъ, — не путемъ правописанія, а филологическаго изученія. — Еще извинительно такое правописаніе тамъ, гдѣ оно укоренилось, — гдѣ оно велось и ведется издавна, — хотя и весьма часто расходится съ наукой о языкѣ, съ исторіей словъ, и въ весьма, весьма многихъ случаяхъ бываетъ не выдержано; — тамъ по крайней мѣрѣ, сила давности, сила привычки; отставать отъ нея, переучиваться, трудно, да и ученые старовѣры возопіютъ: такъ, напримѣръ, въ велико-русской литературѣ не удалась попытка извѣстнаго писателя Лажечникова, издавшаго было цѣлый свой романъ („Басурманъ“) фонетическимъ правописаніемъ. Но новымъ-то литературамъ — зачѣмъ держаться старыхъ привычекъ? Новыя литературы, г. Стебельскій, всегда начинались фонетическимъ правописаніемъ, которое хотя не всегда строго было выдержано, но всегда преобладало и преобладаетъ въ нихъ донынѣ. Такъ Данте, Петрарка — люди весьма ученые, но живые, писали преимущественно фонетически, — такъ и теперь болѣе или менѣе пишутъ италіянцы; изъ Славянъ не одни украинцы держатся и хотятъ, съ вашего позволенія, держаться фонетическаго правописанія: такъ пишутъ сербы и болгары, такъ, болѣе или менѣе, пишутъ и чехи; — мы, впрочемъ выдерживаемъ фонетическое правописаніе лучше другихъ, хотя и мы тоже платимъ еще напрасную дань староболгарщинѣ и незнанію научной фонетики. — Вы, вѣроятно не выражались бы съ такимъ презрѣніемъ о „кулишивкѣ“, если-бъ вамъ, напримѣръ, было извѣстно, что Вукъ Стефановичъ Караджичъ, 50 лѣтъ трудившійся на пользу Славянства и сербскаго народа, издавшій,

между прочимъ, сербскія пѣсни и пословицы, словарь и грамматику сербскаго языка, Караджичъ, котораго знакомствомъ дорожили Гёте и братья Гриммы (или, быть-можетъ, вы, г. Стебельскій, членъ славянской націи, съ нѣсколькими солнцами, знатъ не хотите этихъ нѣмцевъ?—), Караджичъ тоже принялъ фонетическое правописаніе для всѣхъ своихъ сочиненій и ввелъ его въ употребленіе, какъ лучшее средство для скорѣйшаго распространенія грамотности въ своемъ народѣ, вѣрнѣе всякаго другаго правописанія выражающее звуки сербскаго языка и болѣе соотвѣтствующее его духу, нежели староболгарское. Противъ него также возставали, какъ противъ еретика; а сербскій народъ все-таки пошелъ за нимъ, а не за старовѣрами.... Да и не одинъ Караджичъ такого былъ мнѣнія о фонетическомъ правописаніи. Спросите у лучшихъ современныхъ филологовъ: что они вамъ скажутъ о возлюбленномъ вашемъ этимологическомъ правописаніи? Что это — схоластическіе безполезные узы, наслѣдованные отъ старыхъ непросвѣщенныхъ временъ или отъ закоченѣвшихъ, въ своихъ привычкахъ, ученыхъ, тогда-какъ фонетическое соотвѣтствуетъ природѣ звуковъ и живой дѣйствительности и дѣлаетъ языкъ и звуки его доступнѣе всякому. — Вы, г. Стебельскій, не стали бы, съ заносчивостью школьника, обвинять г. Кулиша чуть не въ политической ереси за дѣло, которое имѣетъ у насъ свою исторію и разумную послѣдовательность, — къ которому г. Кулишъ не много и рукъ приложилъ. Мы, русскіе украинцы, какъ вамъ извѣстно, homines novi — люди новые въ своей литературѣ (разумѣй — народную литературу), и потому, подобно всѣмъ новымъ — народнымъ литературамъ, и наша началась фонетическимъ правописаніемъ. Загляните въ перелицёванную Энеиду, изданную первоначально въ Петербургѣ въ 1797 году. Что вы тамъ увидите? Разверните стихотворенія Гулака-Артемовскаго и Гребінки, повѣсти Основъяненка, напечатанныя въ тридцатыхъ годахъ и послѣ: какое правописаніе вы тамъ найдете? Фонетическое, М. Г. — Между-тѣмъ, Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Гребінка и Квітка были люди весьма просвѣщенные, а Котляревскій даже ученый для своего времени, и знали не одинъ только свой языкъ. Но въ нихъ вѣялъ свѣжій духъ жизни — и они рѣшились на весьма смѣлый, по

времени, шагъ. — Г. Кулишъ пошелъ по пути, уже начатому въ концѣ прошлаго столѣтія, когда, слѣдовательно, о Духинскихъ и слуху не было, и хотя придержался прошедшаго, однакожъ исправилъ въ прежнемъ правописаніи многое, что несвойственно нашему языку. Но и онъ могъ бы быть смѣлѣе и пойти дальше *); напримѣръ: можно было, подобно сербамъ, вовсе не писать, въ концѣ словъ, буквы ъ, которая не имѣетъ теперь никакого значенія; принявъ существующую въ церковно-славянскомъ твердую букву є, для изображенія мягкаго звука (ради типографскаго удобства, — такъ-какъ мягкое е встрѣчается въ украинскомъ языкѣ рѣдко), слѣдовало ввести ее не только въ случаяхъ соединенія этого мягкаго звука съ согласными (нпр. синє), но и при гласныхъ (нпр. синіє); въ глагольныхъ окончаніяхъ третьяго лица писать ця, а не тця, такъ-какъ въ живомъ говорѣ народа звукъ т въ этомъ случаѣ вовсе не слышенъ (пытаєця, питаюця, а не — питаєтця, питаютця); г. Кулишъ пишетъ джерело, дзижчати, дзендзенькати, дзюрчати, т. е. употребляетъ, вмѣсто одной, двѣ буквы. тогда-какъ это составные, сросшіеся звуки, подобно ч(=т+ш) и ц(=т+с), и могутъ быть выражены такъ: дж=д+ж(=з+j); дз=д+з. Сербы весьма благоразумно изображаютъ уже составные звуки не двумя, а одною буквою. Безъ сомнѣнія, и наше правописаніе, въ скоромъ времени, упростится, сообразно съ указаніями филологическо-физіологической науки и практической пользы: это будетъ и раціональнѣе, и экономнѣе какъ въ отношеніи силъ учащагося, такъ и бумаги и печатанія.

---

*) Вскорѣ (въ августѣ 1857 г.) послѣ изданія „Записокъ о Южной Руси“ (въ мартѣ 1856 г. С. П. Б.), гдѣ впервые введено г. Кулишомъ исправленное имъ правописаніе, изданъ былъ въ Москвѣ сборникъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ, пословицъ и поговорокъ, подъ общимъ названіемъ „Ужинокъ рідного поля.“ Издатель скрылъ свое имя подъ буквами: „М. Г.“ Ему первому принадлежитъ попытка упростить правописаніе больше, чѣмъ это сдѣлалъ г. Кулишъ: г. М. Г. исключилъ изъ нашей азбуки слѣдующія буквы: смягченыя *а, о, у,* (т. е. *я, ё, ю*), а также *ъ, ы, ь, ѣ, ѳ, ѵ*, какъ излишнія, но при этомъ ввелъ нѣсколько надстрочныхъ значковъ. Эти значки затрудняютъ чтеніе, письмо и печатаніе, — вслѣдствіе чего, раціональная попытка эта не принялась, и правописаніе г. Кулиша возобладало.

И что изъ того слѣдуетъ, г. Стебельскій, что фонетическое правописаніе нравится польскимъ газетамъ, — что какіе-то „господа“ пишутъ этимъ правописаніемъ доносы и клеветы, а какіе-то „мальчишки“ — пишутъ „очень юмористическія статьи“? Неужели тутъ виновата кулишивка? На этомъ основаніи, можно было бы и этимологическое правописаніе винить за то, что кто-то сочинилъ Славянскую націю, „въ которой предѣлахъ солнцамъ нельзя западать“, что этотъ кто-то также наговорилъ не мало разныхъ вздоровъ и клеветъ, пишетъ дикообразныя статьи, — и все это — этимологическимъ правописаніемъ!!

Что за сближенія, что за выводы у васъ, г. Стебельскій! Побойтесь здраваго смысла и свидѣтельствъ исторіи! Не можетъ же не быть вамъ извѣстно, что самыя невинныя, самыя святыя вещи употреблялись во-зло необузданной волей и невѣжествомъ. Вы, русскій Галичанинъ, должны очень хорошо знать, что Христово ученіе любви и мира въ святотатственныхъ рукахъ обращалось на угнетеніе, даже на истребленіе ближнихъ.

Вы видите, — я не понапрасну назвалъ васъ неучемъ: если вы еще не убѣдились въ томъ на фонетическомъ правописаніи, то я сей часъ докажу вамъ на другомъ предметѣ. Презрительность, съ какою вы относитесь къ народному языку, приводя нѣкоторыя слова и фразы въ насмѣшку, убѣждаетъ въ великомъ вашемъ невѣжествѣ. Вамъ, вѣроятно, не нравится, что я употребилъ названіе — языкъ, а не — нарѣчіе, діалектъ: объ этомъ я спорить теперь не стану *); дѣло не въ названіи: „назовите розу — репейникомъ, она все-таки останется розой,“ сказалъ Шекспиръ, — и на-оборотъ; я хочу только показать вамъ, что презрительность, съ которою вы относитесь къ нашой народной рѣчи оттого только, что она существуетъ гораздо болѣе въ живомъ говорѣ, въ устной словесности, нежели въ книгахъ,

*) Филологи — Максимовичъ, Лавровскій (профессоръ Харьковскаго университета) и Миклошичъ — признаютъ малорусскій или украинорусскій языкъ самостоятельнымъ (selbständige Sprache). Мнѣніе, будто нашъ языкъ „есть лишь нарѣчіе“, Б. А. Дѣдицкій считалъ (Поезіи І. Федьковича, 1862 г., Львовъ) „глубоко-вкорененнымъ предразсудкомъ польскихъ и россійскихъ претендентовъ до гегемоніи.“

и что разработывается литературно людьми, имѣвшими несчастіе вамъ непонравится, — есть съ вашей стороны — „незнанья жалкая вина.“

Какое бы благоговѣніе ни питали вы къ господствующему литературному языку — это не даетъ вамъ права не понимать весьма важнаго значенія народныхъ нарѣчій для литературныхъ языковъ, если вы, г. Стебельскій, принадлежите къ той академической молодежи, „которая“ — по словамъ редакціи „Бояна“ — „неутомимо подвизается на поли науки и умѣтности (sic).“ Вмѣсто того, чтобъ заниматься пустымъ словоизверженіемъ и скрывать свое непониманіе подъ выспренними фразами, — полезнѣе было бы для васъ засѣсть за хорошія книги и поучиться у умныхъ людей — какъ слѣдуетъ разсуждать о тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы беретесь поучать земляковъ своихъ. Не понимать значенія народнаго языка — Галичанину въ-особенности не простительно: вы, книжные Галичане, опираетесь на народъ; безъ народа вы — безсильны въ борьбѣ съ врагами русской народности; безъ народа вы — ничто, или весьма немногое; значитъ, вамъ необходима тѣснѣйшая связь съ своимъ народомъ. Но возможна ли такая связь тамъ, гдѣ нѣтъ полнаго взаимнаго пониманія? Это будетъ связь формальная, — мнимая, а не дѣйствительная, не сочувственная связь; животворный токъ слова, чувствъ, мыслей будетъ переливаться между вами и народомъ вяло, слабо, и объ стороны — люди образованные и простолюдье — никогда не сольются въ одну цѣльную массу, въ одно живое, одушевленное тѣло. — Вникните въ это, и наблюдайте ежедневныя ваши сношенія съ народомъ: вы убѣдитесь въ справедливости здѣсь сказаннаго. Я не сомнѣваюсь, что и у васъ, — какъ и вездѣ, — тотъ пользуется гораздо большей симпатіей и успѣхомъ у народа, кто вполнѣ владѣетъ его языкомъ и говоритъ имъ также просто, естественно и уважительно, какъ говоритъ на немъ самъ народъ. Я увѣренъ, что въ теченіи 19 лѣтъ, т. е. съ того времени, когда у васъ признаны права русской народности, Галичане сдѣлали бы несравненно больше успѣховъ по народному просвѣщенію, въ литературѣ, по этнографіи, по развитію народныхъ учрежденій и народнаго благосостоянія, еслибы программа 1848 года въ отношеніи народнаго языка была строго выполнена,

а не такъ заброшена, забыта или извращена, какъ это оказывается теперь. „За наші гріхи—находять Ляхи“, говоритъ народъ. — Вы, г. Стебельскій, и многіе руководители Галичины, въ томъ числѣ и редакторы „Бояна“, вѣрно, позабыли то, чему, еще такъ недавно, и такъ разумно, поучалъ почтеннѣйшій Б. А. Дѣдицкій („Слово отъ издателя“ стихотвореній Іосифа Федьковича, 1862 г., Львовъ, типографія Ставропигійскаго Института): „Понеже жіемъ въ часѣ, коли процессъ розвою родинного языка еще таки въ нашихъ очахъ происходитъ, — коли дѣло сіе таки живымъ вспо̑льнымъ сотрудіемъ нашимъ производится: то не меньше важнымъ, якъ и наукове образованье сёго языка, повинно для насъ быти пристальное увзглядненье тыхъ его формъ выраженья, якіи жіютъ и также своимъ способомъ образуются въ устахъ народа. Прилѣжнѣйшимъ увзглядненьемъ всего складу и поединокихъ частей народного говору, о̑ттакъ же счастливымъ ужитьемъ тыхъ же до великого дѣла образованья языкового, мы, въ самуюжъ пору происходящого розвитія словесного, доспѣти можемъ того, чого донынѣ ни одинъ изъ высшеобразованныхъ народо̑въ не доспѣлъ: всевозможной, бо̑льше-доступной популярности книжного, литературного языка..... Даръ великій — для высшихъ навѣть предмето̑въ способомъ природнымъ, невынужденнымъ спопуляризовати форму до той степени, же предметъ и форма приступни суть, и якось мовь свойски, понятію простонародья“.

Въ высказываемомъ вами, г. Стебельскій, пренебрежительномъ взглядѣ свысока на народный языкъ — на это священное вѣковое достояніе — выражается взглядъ схоластическій и шляхетскій вмѣстѣ (но не шляхетный), — взглядъ пошлый и вредный: это — неуваженіе къ самому народу, неуваженіе къ тому, чего нельзя не уважать сколько-нибудь просвѣщенному, сколько-нибудь развитому человѣку. Знайте, что у всякаго народа, въ какомъ бы, повидимому, неразвитомъ состояніи онъ ни находился, многому можно — и намъ, книжнымъ людямъ — поучиться. Французскій историкъ Мишле, написавшій цѣлую книгу о народѣ („Le peuple“), говоритъ, что онъ никогда не пожалѣлъ о своемъ общеніи съ наро-

домъ, и всякій разъ, когда вступалъ съ нимъ въ бесѣду, уносилъ что-нибудь для себя поучительное. А языкъ народа — это благороднѣйшая, разумнѣйшая часть его существа; въ языкѣ народа заключается его природа, его мудрость, исторія всей его жизни. Нашъ народъ, обладающій необыкновеннымъ словеснымъ богатствомъ, представляетъ, по этому, достойнѣйшій предметъ для этнографическаго изученія, — языкъ же его — для литературнаго развитія. Несомнѣнно, — подобаетъ изучать и знать обще-образованный литературный языкъ, какъ для того, чтобы пользоваться его сокровищами, такъ и для того, чтобы сохранять общую связь съ цѣлымъ русскимъ міромъ; но подобаетъ также изучать и хорошо знать народный языкъ, и, — во всякомъ случаѣ, — понимать великое его значеніе, какъ это давно понимаютъ лучшіе умы.

Для большей убѣдительности и въ развитіе высказаннаго выше, привожу мнѣнія ученыхъ о значеніи народныхъ, или мѣстныхъ, нарѣчій по отношенію къ образованному литературному языку вообще, а также и къ народному обученію въ-частности.

Вотъ-что говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ настоящаго времени, Максъ Мюллеръ, въ своихъ „Лекціяхъ по наукѣ о языкѣ“, читанныхъ имъ, въ 1861 году, въ королевскомъ Британскомъ Институтѣ (страницы 44—46, въ русскомъ переводѣ):

„Безъ литературной обработки языкъ (вообще) никогда не достигъ бы той опредѣлительности, которая необходима для сообщенія мыслей; онъ не исполнилъ бы своей висшей цѣли, но остался бы просто говоромъ. Но значеніе литературныхъ языковъ очевидно для всякаго, а значеніе діалектовъ, для поддерживанія роста языка, раскрыто еще мало; по этому необходимо остановить больше вниманія на выгодахъ, которыя заимствуются литературными языками отъ діалектовъ. Въ отношеніи роста языка нельзя преувеличить значеніе постояннаго подроста діалектовъ. Отодвиньте языкъ отъ его родной почвы, удалите его отъ діалектовъ, его питающихъ — и вы тотчасъ же задержите его естественный ростъ.

„Едва можно составить себѣ понятіе о неограниченныхъ средствахъ діалектовъ. Если литературные языки установили одинъ какой-либо общій терминъ, ихъ діалекты доставлятъ

пятьдесятъ, хотя каждый съ своимъ особымъ оттѣнкомъ значенія. Если въ прогрессѣ общества развились новыя комбинаціи мысли, діалекты тотчасъ доставляютъ требуемыя названія изъ запаса своихъ такъ-называемыхъ излишнихъ словъ....

„Классическій латинскій языкъ сдѣлался неподвижнымъ и стоячимъ послѣ того, какъ сталъ языкомъ законодательства, религіи, литературы и общей образованности; онъ не могъ расти, потому что не могъ измѣняться, или уклоняться, отъ своей классической точности, — онъ былъ весь проникнутъ своимъ собственнымъ духомъ.

„Литературные діалекты или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, классическіе языки, платятся за свое временное величіе неизбѣжнымъ упадкомъ. Они подобны стоячимъ озерамъ возлѣ большихъ рѣкъ; они образуютъ резервуаръ того, что нѣкогда было живою и текучею рѣчью“ (т. е. народными діалектами, — этими „питательными потоками“, какъ называетъ ихъ Максъ Мюллеръ), „но что теперь уже не захватывается теченіемъ главнаго русла....

„Классическій или литературный идіомъ можно еще вѣрнѣе сравнить съ замерзшею поверхностью рѣки, блестящею и гладкою, но оцѣпенѣвшею и холодною....

„Коль-скоро языкъ теряетъ свою неограниченную способность измѣняться, свою беззаботность обо всемъ томъ, что онъ расточаетъ, свою готовность мгновенно исполнять желанія ума и сердца“, (посредствомъ прилива свѣжихъ силъ изъ народныхъ діалектовъ), „то его естественная жизнь обращается въ чисто-искуственное существованіе. Онъ можетъ жить еще нѣсколько времени, но хотя представляется навидъ главнымъ побѣгомъ, — на дѣлѣ онъ только сломанная и вянущая вѣтвь, медленно отпадающая отъ ствола, изъ котораго выросла.“

Вотъ — на какія послѣдствія, г. Стебельскій, вы хотите осудить образованный литературный языкъ, пренебрегая народнымъ языкомъ, лишая послѣдній того уваженія, той свободы въ развитіи, на которыя имѣетъ право все живое и необходимое, — необходимое для того, чтобы духъ человѣка, всѣ его способности, проявлялись, подобно природѣ, во всемъ своемъ разнообразіи! — Думайте и пишите на томъ языкѣ,

на которомъ — вамъ кажется — удобнѣе думать и писать; но не пренебрегайте и другимъ, не топчите безразсудно того, что стремится жить, что доказываетъ ясно свою живучесть, и что вамъ же самимъ можетъ оказать пользу. — Литературная обработка какого-бы-то-ни-было нарѣчія, вызываемая естественною силою самопоявляющихся талантовъ, поддерживаемая общественнымъ сочувствіемъ, никогда не можетъ помѣшать никакой образованной литературѣ, никакой разумной идеѣ, никакому единенію: развитіе разныхъ Славянскихъ языковъ и нарѣчій послужило бы только къ обогащенію того единаго общеславянскаго литературнаго языка, какой можетъ образоваться въ будущемъ, когда наступитъ всеславянское объединеніе, и потребность въ одномъ общемъ органѣ чувствъ и мыслей ощутится всѣми сама-собою. Мѣстныя языки или нарѣчія не только не будутъ помѣхой, а, напротивъ, полезнѣйшимъ подспорьемъ: съ появленіемъ въ обществѣ новыхъ комбинацій мысли, діалекты, какъ объяснилъ Максъ Мюллеръ, „доставятъ требуемыя названія во множествѣ изъ запаса своихъ *такъ-называемыхъ* излишнихъ словъ.“

Такимъ-образомъ, г. Стебельскій, наука и опытъ доказываютъ, что, подвергая преждевременной смерти народный языкъ, вы, этимъ самимъ, наносите смертельную рану и тому вамъ „невѣдомому“, чему такъ усердно покланяетесь; преслѣдуя то, что редакція „Бояна“ весьма остроумно называетъ „литературнымъ (!) сепаратизмомъ (!!)“, — на что она, вмѣстѣ съ „численнѣйшею академическою молодёжью“ и, вообще, „съ молодцами безъ вѣнцовъ авторитета“, „смотритъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ“, — вы оказывали *медвѣжью* услугу*) и тому языку, „которымъ пишетъ и говоритъ Русь закордонная, и который“, — какъ увѣряетъ „Боянъ“ своихъ — должно-быть — весьма наивныхъ читателей и весьма плохихъ филологовъ, — есть „нищо иное, какъ письменный галицко-русскій, выобразовавшійся съ временемъ изъ трехъ рознорѣчій: волынско-подольского, галицко-наддѣстрянского и угрокарпатского!!“

Но, можетъ быть, на убѣжденіе ваше безсиленъ подѣйствовать Максъ Мюллеръ: чего добраго! онъ хоть и солнце

---

*) См. басню Крылова: „Пустынникъ и Медвѣдь.“

науки, но не болѣе, какъ обангличанившійся нѣмецъ, а вы — многосолнечный сынъ Славянской націи; — въ такомъ случаѣ, я подкрѣплю и пополню мнѣніе Мюллера другимъ авторитетомъ, въ разумности, безпристрастіи и не-сепаратистичности мнѣній котораго вы, навѣрное, не усомнитесь. Этотъ авторитетъ — г. Юркевичъ, бывшій профессоръ Кіевской духовной Академіи, а нынѣ — Московскаго Университета, которымъ былъ приглашенъ, въ 1862 году, на каѳедру логики, психологіи и исторіи философіи. Въ „Чтеніяхъ его о воспитаніи“ (Москва, 1865) вы можете прочесть слѣдующія превосходныя и превосходно-выраженныя мысли; хотя онѣ относятся собственно къ Россіи и — въ частности — къ преподаванію языка въ школахъ, но выведены изъ общечеловѣческаго начала, и потому поучительны всюду:

„Между языками образованнымъ и мѣстнымъ существуетъ такое же отношеніе, какъ между общимъ и индивидуальнымъ. — Все, что есть въ мѣстномъ языкѣ прекраснаго, жизненнаго и заслуживающаго сдѣлаться общимъ, усвояется письменнымъ образованнымъ языкомъ, который находится въ живомъ развитіи. Это — борьба, въ которой побѣда всегда остается на сторонѣ общаго, потому-что общее опирается на всѣ силы, а индивидуальное на нѣкоторыя силы даннаго круга.

„Тамъ, гдѣ обще-образованный языкъ поглощаетъ мѣстныя нарѣчія, или тамъ, гдѣ нарѣчія вымираютъ, и языкъ обще-образованный теряетъ способность жизненнаго, органическаго развитія, онъ какъ бы кристаллизуется и дѣлается стереотипнымъ: могутъ увеличиваться декораціи, но не самородная красота. Настаетъ пора, когда языкъ развивается исключительно на почвѣ логической и пріобрѣтаетъ формальныя качества тонкости, ловкости, гибкости и ясности: не увеличивая своихъ сокровищъ, онъ пользуется ими съ искусствомъ и отчетливостью, какія свойственны не органической капризной жизни, а мертвому и податливому механизму. Языкъ механизируется.... И такъ, нежелательно, чтобы борьба образованнаго языка съ мѣстными нарѣчіями была истребительная. Онъ долженъ бы относиться къ нимъ, какъ единство къ разнообразію; примѣръ такого отношенія мы находимъ въ человѣческомъ

духѣ, гдѣ одинъ выработавшійся характеръ совмѣщается со множествомъ разнообразныхъ привычекъ и наклонностей. Но установленіе этого отношенія не зависитъ отъ человѣческихъ расчетовъ. Если мѣстныя нарѣчія замѣняютъ новыми пріобрѣтеніями тѣ сокровища, которыя переданы ими общеобразованному языку, если матери неистощимы въ изобрѣтеніи колыбельныхъ пѣсенъ, если народъ не потерялъ способности и наклонности выражать свои ощущенія въ поэтическомъ лиризмѣ и облекать событія въ формы эпоса, то между языками общеобразованнымъ и мѣстнымъ установливается, вмѣсто борьбы, взаимность услугъ, или живой обмѣнъ силъ и совершенствъ.

„Обученіе молодаго поколѣнія письменному образованному языку и развитіе въ немъ способности владѣть сокровищами этого языка есть главная и высшая цѣль первоначальной школы: но при усовершенствованіи устнаго языка дѣтей учитель долженъ обнимать свою задачу со стороны теоретической и нравственной. Если, вмѣсто образованнаго языка, онъ навязываетъ ученикамъ языкъ школьный, если ученикъ съ своимъ языкомъ представляетъ олицетворенную грамматику, то это ни къ чему не годится. Далѣе, мѣстный языкъ и устный образованный языкъ должны вступить, въ сознаніи и убѣжденіи ученика, въ отношеніе постепенности, какъ хорошее и найлучшее, какъ полезное и полезнѣйшее; образовать между ними враждебную противоположность вредно въ умственномъ и нравственномъ отношеніи: въ умственномъ потому, что ученикъ потерялъ бы способность и навыкъ усвоять дѣйствительныя красоты языка мѣстнаго и переносить ихъ въ свой образованный языкъ; въ нравственномъ потому, что хотя похвально, если для него языкъ отечества сдѣлался языкомъ роднымъ, однако не похвально, если въ то же время языкъ родины сталъ для него языкомъ иностраннымъ. Слѣдуетъ заботиться, чтобы въ ученикѣ не родилось неуваженіе къ окружающему его обществу или даже къ его роднымъ. Какъ только ученикъ имѣлъ глупость убѣдиться, что его родные не умѣютъ говорить по-человѣчески, одинъ изъ чистѣйшихъ нравственныхъ союзовъ разорванъ, и въ молодомъ сердцѣ положены зачатки глубокой безнравственности.“

Когда я читаю эти послѣднія строки, исполненныя неопровержимой истины, мнѣ такъ и кажется, будто авторъ наблюдалъ это явленіе въ Украинѣ или Галиціи. Тамъ, въ училищахъ, на каждомъ шагу встрѣчаются учителя и начальники, которые, подъ вліяніемъ измышленнаго страха сепаратизма, подъ вліяніемъ разныхъ невѣжественныхъ тенденцій, не ограничиваются обученіемъ дѣтей образованному литературному языку и развитіемъ способности — владѣть сокровищами этого языка, — нѣтъ! они подвергаютъ мѣстный, материнскій языкъ насмѣшкамъ и презрѣнію, заставляютъ дѣтей скрывать любовь къ тому, что мило и дорого съ первыхъ дней жизни въ родной семьѣ, и даже вырываютъ изъ рукъ учениковъ книжки, напечатанныя, съ дозволенія цензуры, на народномъ языкѣ, если онѣ случайно попадутъ къ нимъ! Такимъ-образомъ, въ самомъ зародышѣ уничтожается то, изъ чего ученикъ почерпнулъ бы благороднѣйшія, чистѣйшія чувства! Ибо до-сихъ-поръ украинско- и галицко-русская литература не напечатала ни одной книжечки, за которую можно было упрекнуть ее съ нравственной или политической стороны; „Сільска бібліотека“, напримѣръ, изданная Каменецкимъ въ 40 выпускахъ, — съ самымъ строгимъ выборомъ изъ сочиненій Квитки (Основъяненка), Шевченка, Кулиша, Стороженка, Марка Вовчка, Ганны Барвинокъ и другихъ, — во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненна, и могла бы быть раздаваема ученикамъ, какъ превосходнѣйшее нравственно-эстетическое чтеніе. При бѣдности вообще русской литературы въ книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, лишать дѣтей и народъ такого воспитательнаго пособія — это непонятное заблужденіе, или непростительная, жалкая вина предубѣжденія и незнанья.

Въ вопросѣ о нашемъ языкѣ есть еще эстетическая и моральная сторона, отлично-выясненная однимъ писателемъ, имени котораго я не назову, такъ-какъ дѣло не въ имени. Вотъ его слова*):

„Замѣчателенъ тотъ фактъ, и намъ нельзя на немъ не остановиться: что одинъ и тотъ же писатель (Квитка), про-

*) „Русская Бесѣда“ 1857 года, издававшаяся въ Москвѣ гг. Кошелевымъ и Аксаковымъ.

изводя на читателей неотразимое впечатлѣніе малороссійскимъ языкомъ, оставленъ ими безъ вниманія на великорусскомъ. Здѣсь мы видимъ доказательство, какая тѣсная связь существуетъ между языкомъ и творящею фантазіей писателя, и въ какой слабой степени передаетъ языкъ другаго народа понятія, которыя выработались не у него и составляютъ чужую собственность. Какъ въ пѣснѣ музыка, такъ и въ книгѣ языкъ есть существенная часть изящнаго произведенія, безъ которой поэтъ не вполнѣ дѣйствуетъ на душу читателя. Я слышалъ отъ нѣсколькихъ уроженцевъ великороссійскихъ губерній, научившихся отчасти языку малороссійскому, что для нихъ легче понимать наши народныя историческія думы въ подлинникѣ, нежели въ переводѣ. Это значитъ, что тамъ сохранена гармоническая связь между языкомъ и предметомъ, которая въ переводѣ безпрестанно нарушается. По этому-то закону, во всѣхъ литературахъ, каждый самостоятельный поэтъ имѣетъ свой особенный языкъ, который только и хорошъ для того взгляда на жизнь, для того склада ума, для тѣхъ движеній сердца, которыя одному ему свойственны. Переложи его рѣчь на языкъ другаго поэта, и она потеряетъ много своей прелести. У насъ въ Малороссіи, Квитка представляетъ не единственный примѣръ безсилія передать свои малороссійскія концепціи на языкѣ великорусскомъ. Гулакъ-Артемовскій, составляющій переходъ къ нему отъ Котляревскаго, написалъ нѣсколько превосходныхъ комическихъ и сатирическихъ стихотвореній, которыя мы знаемъ наизустъ, и остался совершенно неизвѣстнымъ писателемъ въ русской литературѣ, хотя положилъ несравненно больше труда на русскіе стихи и прозу. Гребінка, современникъ Квитки, оставилъ намъ дышащія свѣжестью и истиною картины изъ малороссійской природы и жизни въ своихъ „Приказкахъ“, и тотъ же Гребінка писалъ по-великорусски слабыя повѣсти изъ народныхъ преданій и безвкусные стихи.

„Наконецъ, величайшій талантъ южно-русской литературы, пѣвецъ людскихъ неправдъ и собственныхъ горячихъ слёзъ — Шевченко, напечатавъ небольшую поэму („Тризна“) на великорусскомъ языкѣ, изумилъ своихъ почитателей не только безцвѣтностью стиха, но и вялостью мысли и чувства, тогда-какъ въ языкѣ малороссійскомъ онъ образовалъ, или,

лучше сказать, отыскалъ формы, которыхъ до него никто не предчувствовалъ, и изъ мѣстныхъ явленій жизни создалъ цѣлый міръ новой, никѣмъ до него не сознанной поэзіи. Въ его стихахъ языкъ нашъ сдѣлалъ тотъ великій шагъ, который дѣлается только совокупными усиліями цѣлаго народа, въ теченіе долгаго времени, или волшебнымъ могуществомъ генія, заключающаго въ своей единицѣ всю врожденную художественность роднаго племени. Они, какъ любимая пѣсня, пронеслись изъ конца въ конецъ по всей южной Руси; они пришлись по душѣ каждому званію, возрасту и полу, и изданіе ихъ въ свѣтъ сдѣлалось почти ненужнымъ. — Называютъ его безумнымъ патріотомъ; а между тѣмъ онъ-то и нанёсъ первый ударъ тому вредному мѣстному патріотизму, который поднимаетъ на ходули своихъ аттестованныхъ исторіею героевъ и отворачиваетъ глаза отъ доблестей сосѣдняго народа, — тому патріотизму, который полагаетъ свою славу не въ успѣхахъ благоденствія цѣлой страны, а въ торжествѣ какой-нибудь партіи, или даже нѣсколькихъ лицъ, иногда очевидно во-вредъ всему народонаселенію.... Такъ! онъ доходилъ до безумія въ изліяніи своего гнѣва на беззаконія людскія; онъ былъ неистовъ, когда призывалъ небо и землю противъ тѣхъ, кого считалъ онъ виновниками страданій ближняго. Но кто же осудитъ поэта за то, что, поддавшись невыносимой боли сердца, онъ не соблюдалъ мѣры своимъ воплямъ?.... Обязанный одному себѣ духовнымъ воспитаніемъ, не имѣвъ предшественниковъ и образцовъ на своемъ литературномъ поприщѣ, появясь внезапно, точно съ неба, посреди застоя нравственной жизни въ Малороссіи, съ своимъ горячимъ плачемъ, съ своими новыми для слуха пѣснями, съ своими врожденными, ни отъ кого незаимствованными, стремленіями, онъ не могъ быть тотчасъ оцѣненъ по достоинству критикой. Онъ это зналъ самъ; онъ говорилъ объ этомъ въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ и искалъ себѣ единственной награды въ слезахъ сочувствія со стороны родныхъ красавицъ, — въ чемъ и не ошибся.... Заплакали отъ его нѣжныхъ и горькихъ рѣчей не однѣ женщины. Кто позабылъ давно уже юношескія стремленія къ правдѣ и добродѣтели, кто погрузился въ равнодушіе къ всякому недостойному дѣлу и призналъ случайныя формы жизни за непреложный законъ для своихъ чувствъ и

мыслей, — и тотъ былъ потрясенъ ими до глубины души,— и неудержимыя слезы показали ему самому далеко заброшенный въ засоренной душѣ юношескій его образъ....

„Не наша вина, если уроженцы сѣверной Россіи не включаютъ нашего языка въ число разнообразныхъ предметовъ своей любознательности. Мы, напротивъ, не уступаемъ Великороссіянамъ ни-въ-чемъ относительно знанія родной ихъ рѣчи, и пускай безпристрастный судья рѣшитъ, на чьей сторонѣ преимущество основательнаго суда о предметѣ. Намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить разработку малороссійскаго языка; но это совѣтуютъ люди, неимѣющіе понятія о томъ, какое вліяніе имѣетъ высоко-развитая сила и красота роднаго слова на нравственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на вещественное, благосостояніе цѣлаго племени. Намъ, наконецъ, доказываютъ неоспоримыми фактами, что Малороссіянинъ, присоединяясь къ писателямъ великорусскимъ, имѣетъ обширный кругъ читателей, слѣдовательно болѣе достигаетъ цѣли каждаго дѣятельнаго ума разливать въ обществѣ свои убѣжденія. Правда, оно заманчиво; но только ни одинъ изъ малороссійскихъ поэтовъ — въ томъ числѣ даже и Гоголь — не былъ удовлетворенъ своими сочиненіями на языкѣ сѣверно-русскомъ. У каждаго изъ нихъ всегда оставалось на душѣ томительное сознаніе, что онъ не исполнилъ своего назначенія, — по выраженію Гоголя, принести пользу ближнему, и дѣйствительно не принесъ ее въ той мѣрѣ, въ какой родное слово приноситъ пользу родному сердцу. Положимъ, что поэту, среди иноплеменниковъ, внимаетъ много умовъ, что его голосъ проникаетъ во множество сердецъ; но то ли онъ производитъ на нихъ впечатлѣніе, какое произвелъ бы на своихъ земляковъ, когда-бъ обратился къ нимъ на незамѣнимомъ языкѣ дѣтства, — на томъ священномъ языкѣ, посредствомъ котораго мать внушала ему правила честности и добродѣтели? Я знаю, что друзья, сошедшіеся на позднемъ пути жизни, могутъ нѣжно и горячо любить другъ друга; но будетъ ли бесѣда ихъ такъ жива, какъ тѣхъ друзей, которыхъ дѣтство связано съ общими воспоминаніями, общими порывами сердецъ, общими муками и радостями? И заговоришь ли такъ понятно, такъ увлекательно, безъ искуства краснорѣчія, съ человѣкомъ, хоть и любимымъ, и уважаемымъ, но воспи-

таннымъ подъ другими вліяніями, какъ съ тѣмъ, чье сердце издавна привыкло бить одинъ тактъ съ твоимъ собственнымъ? Что же тутъ говорить о числѣ людей, которые подвергнутся нашему нравственному вліянію? Не въ количествѣ дѣло, когда рѣчь идетъ о высокихъ требованіяхъ души человѣческой; дѣло въ качествѣ почвы, на которую падаетъ наше слово, дѣло въ той силѣ, съ которою оно поражаетъ умы и сердца слушателей. Какъ же не странно, какъ не дико называть нелѣпостью потребность души, которая только этимъ, а не другимъ путемъ можетъ сообщить другой душѣ свою животворную силу? Резонерствомъ ничего съ этимъ стремленіемъ не сдѣлаешь: оно зарождается глубже въ душѣ, нежели самыя здравыя и основательныя разсужденія. Дѣло тутъ не въ одной разности языковъ; дѣло въ особенностяхъ природы человѣка и народа, которыя на каждомъ шагу оказываются въ способѣ выраженія мыслей, чувствъ, движеній души и которыя на языкѣ, не природномъ автору, выразиться не могутъ.

„Нашъ языкъ принадлежитъ не ничтожному народу, который присоединился, въ половинѣ XVII вѣка, къ московскому царству. Этотъ народъ большею частію состоялъ изъ характеровъ самостоятельныхъ, гордыхъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства; онъ, въ своихъ нравахъ и понятіяхъ, хранилъ и хранитъ до сихъ поръ начала высшей гражданственности; онъ придалъ Россіи множество новыхъ, энергическихъ дѣятелей, которыхъ вліяніе не мало способствовало развитію государственной силы Русскаго народа; онъ, наконецъ, пришелъ въ единоплеменную и единовѣрную ему Россію съ языкомъ, богатымъ собственно ему принадлежащими достоинствами, которыя въ будущемъ, своенародномъ, образованіи литературы должны усовершенствовать органъ русскаго чувства и русской мысли, — этотъ великій органъ, по степени развитія котораго цѣнятся исторіею народы.“

Всѣ вышеприведенныя мнѣнія, достаточно розъяснивъ предметъ нашего разномыслія — какъ съ вами, г. Сгебельскій, такъ и съ другими непризванными просвѣтителями галицко-русскаго народа, — убѣдительно доказываютъ неправоту вашихъ сужденій о значеніи и назначеніи народнаго языка. — И такъ — говоря словами великаго кобзаря —

„Не ура́йтесь того́ сло́ва,
Що ма́ти спѣва́ла,
Якъ мало́го сповива́ла,
Зъ мали́мъ розмовля́ла....
Бо хто ма́тірь забува́є,
Того́ Богъ кара́є, —
Чужі лю́де цура́ються,
Въ ха́ту не пуска́ють;
Свої ді́ти — мовъ чужи́і, —
И нема́є зло́му
На всій землі безконе́чній
Весе́лого до́му....
— Наста́не судъ — — — и не бу́де
Кому́ помага́ти;
Одцура́ється братъ бра́та
И дити́ни ма́ти;
И димъ хма́рою засту́пить
Со́нце пе́редъ ва́ми —
И на вікн прокленете́сь
Своіми сина́ми!

Это — авторитетъ особаго рода, убѣдительный безъ ученыхъ доказательствъ, какъ власть имѣющій, — авторитетъ самороднаго поэта, который, хотя возросъ и возмужалъ въ виду большаго столичнаго міра, но, родясь въ бѣдной сельской хатѣ, сохранилъ неизмѣнную любовь къ своему народу до могилы и, вѣщимъ чутьемъ, унаслѣдованнымъ отъ народа, не только угадывалъ, слѣдуетъ ли сберечь языкъ его, но и доказалъ своими неподражаемыми твореніями, стоитъ ли беречь этотъ благозвучный, самобытный, сильный языкъ, эту живую душу, которую грѣшно скрывать, по его собственному выраженію. „Что италіянскій языкъ между романскими, то малорусскій между славянскими“, — говаривалъ Гнѣдичъ, знаменитый переводчикъ Иліады. Какъ же рѣшиться, — по одному произволу или по невѣрному расчету холоднаго ума, — рвать такую струну въ такой дивной, стройной арфѣ, какъ языкъ человѣческій? Въ февралѣ 1859 г., Шевченко, подъ впечатлѣніемъ разговора о положеніи Галицкой Руси, написалъ, въ подражаніе псалму, стихотвореніе, въ которомъ заключаются слѣдующіе стихи, обращенные къ надменнымъ врагамъ русской народности:

— „Воскре́сну Я!“ Госпо́дь вамъ ска́же, —
„Воскре́сну ни́нѣ — ра́ди іхъ,
Люде́й заковани́хъ моіхъ —
Уби́гихъ ни́щихъ .... Возвели́чу
Мали́хъ оти́хъ рабівъ ни́михъ!
Я — на-сторо́жі ко́ло іхъ —
Поста́влю сло́во!“ ...
И поніче,
Нена́че сто́птана трава́,
И ду́мка ва́ша, и слова́ .... — —

Такую великую силу видѣлъ Шевченко въ словѣ! Если и эти стихи не внушаютъ вамъ сочувствія къ языку, на которомъ они писались, и вы по прежнему желаете подавить его своею этимологическою премудростью, то вы слишкомъ туги на ухо, — и мнѣ остается пожалѣть, что я такъ

долго говорилъ съ вами; вы, значитъ, принадлежите къ числу тѣхъ людей, которые и слыша не слышатъ. —

Въ заключеніе своего письма, вы, г. Стебельскій, объщаете написать „оду до Кулиша“, когда онъ „съ огорченіемъ воскликнетъ: „Галиційскіе дураки!“ (это ваши слова) „они меня не поняли“.

Для чего бы вы ни вдохновлялись — для оды ли, или для памфлета, — то и другое требуетъ здраваго смысла, чувства правды и знанія языка. Поэтому не мѣшало бы вамъ, — прежде чѣмъ вы приступите къ своему сочиненію, — сперва прочесть одну изъ „Приказокъ“ Евгенія Гребінки: „Сонце та Хмари“ *), а потомъ строго себя повѣрить: способны ли вы судить основательно и безпристрастно, и выучились ли вы литературно писать на какомъ нибудь языкѣ? — Предупреждаю васъ именемъ всѣхъ, кто знаетъ русскій языкъ и не терпитъ, чтобъ его уродовали: пока языкъ вашихъ грядущихъ твореній будетъ напоминать вашъ нынѣшній, т. е. языкъ школярей западной Руси XVIII вѣка, — мы, дѣти XIX-го, будемъ лишены счастья внимать вамъ. — Прощайте! „Яке магай-бі, таке й бувай-здоровъ.“

Русинъ.

---

*) Малороссійскія приказки, Евг. Гребінки, въ отдѣльномъ Петербургскомъ изданіи 1834 года, и въ V. томѣ полнаго собранія его сочиненій, изданныхъ Литовымъ 1862 г. С. П. Б.

СОНЦЕ ТА ХМАРИ.

Ось Со́нечко зійшло́ — и свѣтитъ намъ и грѣе,
И Бо́жий міръ якъ ма́ківка цвіте́;
На не́бі чи́стому — генъ! — Хма́ра бованіе.
Та Хма́ра надула́сь и річъ таку гудѣ:
„Що вжѣ мині се Со́нце надоі́ло!
Чого́ воно́ такъ зе́млю весели́ть?
Хочь я насу́плюся — воно́ таки́ блищи́ть . . . .
Я полечу́ ёму на зу́стрічъ сми́ло,
Я зду́жаю ёго́ собо́ю затемни́ть.“
Дивлю́сь — и Хма́рами півъ не́ба замости́ло,
На Со́нечко мовъ ніччю налягло́ . . . .
А Со́нце — вы́ше підплило́
И Хма́ри ті позолоти́ло . . . .

BIBLIOTEKA NARODOWA
34775

BIBLIOTEKA NARODOWA BN
477854